

1001 ночь.

Рассказ цирюльника о самом себе

Я был в Багдаде во времена аль–Мустапира биллаха, сына аль–Мустади биллаха, и он, халиф, был в то время в Багдаде. А он любил бедняков и нуждающихся и сживал с учеными и праведниками. И однажды ему случилось разгневаться на десятерых преступников, и он велел правителю Багдада привести их к себе в день праздника (а это были воров, грабящие на дорогах). И правитель города выехал и схватил их и сел с ними в лодку; и я увидел их и подумал: "Люди собрались не иначе как для пира, и они, я думаю, проводят день в этой лодке за едой и питьем. Никто не разделит их трапезы, если не я!" И я поднялся, о собрание, по великому мужеству и степенности моего ума и, сойдя в лодку, присоединился к ним, и они переехали и высадились на другой стороне. И явились стражники и солдаты правителя с цепями и накинули их на шеи воров, и мне на шею тоже набросили цепь, – и не от мужества ли моего это случилось, о собрание, и моей малой разговорчивости, из–за которой я промолчал и не пожелал говорить? И нас взяли за цепи и поставили перед аль–Мустансиром биллахом, повелителем правоверных, и он велел снести головы десяти человекам. И палач подошел к нам, посадив нас сначала перед собою на ковре крови, и обнажил меч и начал сбивать голову одному за другим, пока не скинул голову десятерым, а я остался. И халиф посмотрел и спросил палача: "Почему ты снес голову девяти?" И палач воскликнул: "Аллах спаси! Что бы ты велел сбить голову десяти, а я обезглавил бы девять!" Но халиф сказал: "Я думаю, ты снес голову только девяти, а вот этот, что перед тобой, – это десятый". – "Клянусь твоей милостью, – ответил палач, – их десять!"

И их пересчитали, – говорил цирюльник, – и вдруг их оказалось десять. И халиф посмотрел на меня и спросил: "Что побудило тебя молчать в подобное время? Как ты оказался с приговоренными и какова причина этого? Ты старец великий, но ума у тебя мало". И, услышав речи повелителя правоверных, я сказал ему: "Знай, о повелитель правоверных, что я – старец–молчальник, и у меня мудрости много, а что до степенности моего ума, моего хорошего разумения и малой разговорчивости, то им нет предела; а по ремеслу я цирюльник. И вчерашний день, ранним утром, я увидел этих десятерых, которые направлялись к лодке, и смешался с ними и сошел с ними в лодку, думая, что они устроили пир; и не прошло минуты, как появились стражники и наложили им на шею цепи, и мне на шею тоже наложили цепь, и от большого мужества я промолчал и не заговорил, – и это не что иное, как мужество. И нас повели и поставили перед тобой, и ты приказал сбить голову десяти; и я остался перед палачом, но не осведомил вас о себе, – и это не что иное, как великое мужество, из–за которого я хотел разделить с ними смерть. Но со мной всю жизнь так бывает: я делаю людям хорошее, а они платят мне самой ужасной отплатой".

И когда халиф услышал мои слова и понял, что я очень мужествен и неразговорчив, а не болтлив, как утверждает этот юноша, которого я спас от ужасов, – он так рассмеялся, что упал навзничь, и потом сказал мне: "О Молчальник, а твои шесть братьев так же, как и ты, мудры, учены и не болтливы?" – "Пусть бы они не жили и не существовали, если они подобны мне! – отвечал я. – Ты обидел меня, о повелитель правоверных, и не должно тебе сравнивать моих братьев со мною, так как из–за своей болтливости и малого мужества каждый из них ста! калекой: один кривой, другой слепой, третий расслабленный, у четвертого отрезаны уши и ноздри, у пятого отрезаны губы, а шестой – горбун. Не думай, повелитель правоверных, что я болтлив; мне необходимо все изложить тебе, и у меня больше, чем у них всех, мужества. И с каждым из них случилась история, из–за которой он сделался калекой, и я расскажу их все тебе.